Что означает роль Лукашенко как медиатора в российском кризисе?

Евгений Прейгерман

Опубликовано в Eurasia Daily Monitor

Резюме

Пока весь мир с изумлением наблюдал за стремительно развивавшимся мятежом в России, организованным Евгением Пригожиным и ЧВК «Вагнер» 23 и 24 июня, едва ли кто-то мог предположить, каким окажется его финал.

В частности, белорусский фактор изначально никак не вписывался в картину происходившего. Тем не менее именно он в итоге сыграл определяющую роль в деэскалации кризиса. Роль Александра Лукашенко как медиатора имеет несколько важных значений, к которым Западу следовало бы отнестись серьезно.

Утром 24 июня президент России Владимир Путин выступил с жестким видеообращением к нации, назвав вооруженный мятеж «предательством» и «смертельной угрозой для нашей государственности». Он пообещал, что все, «кто организовал и готовил военный мятеж», понесут наказание. В ответ Пригожин записал аудиообращение, в котором заявил, что «президент глубоко ошибся» и что «никто не собирается по требованию президента, ФСБ или еще кого-нибудь прийти с повинной». Он также добавил, что вагнеровцы не хотят, «чтобы страна жила дальше в коррупции, обмане и бюрократии».

Этот обмен заявлениями прояснил картину.

> По состоянию на 24 июня можно было констатировать, что конфликт уже не ограничивался противостоянием между Пригожиным и высшим руководством Министерства обороны России (как это ранее изображали обе стороны). Теперь он фактически превратился в вагнеровскую «смертельную угрозу» всей системе власти в России.

В то время, пока боевые части повстанцев двигались к Москве, казалось неизбежным, что противостояние выльется в ожесточенные бои и масштабное кровопролитие. Однако, когда передовые группы ЧВК «Вагнер» уже находились всего в 200 км от российской столицы, в мировое информационное пространство ворвалось неожиданное сообщение пресс-службы президента Беларуси. В нем говорилось, что «в течение всего дня» Александр Лукашенко вел переговоры с Пригожиным и что в итоге тот принял предложение «об остановке движения вооруженных лиц компании Вагнер на территории России и дальнейших шагах по деэскалации напряжения». В заявлении подчеркивалось, что «на столе – абсолютно выгодный и приемлемый вариант развязки ситуации, с гарантиями безопасности для бойцов ЧВК Вагнер».

Это сообщение застало всех врасплох. Сразу же последовали многочисленные сомнения в его правдивости. Наблюдателям явно было трудно даже провести параллели между событиями в России и белорусским президентом, поскольку до того Беларусь публично упоминалась в контексте кризиса лишь один раз – когда утром Путин и Лукашенко провели телефонный разговор. Однако аналогичные разговоры российский президент провел с лидерами Казахстана, Узбекистана и Турции, и ничто не указывало на какую-то особую роль Лукашенко.

> Более того, доминирующий на Западе и в некоторых кругах России нарратив о том, что Минск стал вассалом Москвы, еще больше затруднял представление, что Лукашенко действительно мог осуществлять какие-то активные действия в разгар самого серьезного политического кризиса в России с 1993 года.

Но затем стороны конфликта начали подтверждать обнародованную Минском интерпретацию событий. И Пригожин, и Путин заявили, что белорусский президент на самом деле выступил в качестве посредника и вел переговоры о деэскалации кризиса. Позднее уже сам Лукашенко представил наиболее подробный на этот момент отчет о том, как разворачивался мятеж и каким образом сработали его посреднические усилия.

Тем не менее, в СМИ, в том числе в оппозиционных российских изданиях, продолжают появляться публикации, которые ставят под сомнение роль Лукашенко, ссылаясь на анонимные источники в Кремле. Предлагаются две основные линии рассуждений: либо весь мятеж был организованной Кремлем постановкой с целью найти слабые звенья в цепочке российской власти, либо

мятеж произошел на самом деле, но власти держали все под полным контролем. Обе гипотезы оставляют мало места для субъектности Лукашенко, так как исходят из того, что Кремль просто решил использовать его как прикрытие.

Однако с этими конспирологическими версиями трудно согласиться. Использовать Лукашенко в качестве прикрытия в заранее подготовленном сценарии было бы для Москвы нелогичным, если по итогам противостояния (а именно так и произошло) обе стороны конфликта выглядят ослабленными, а имидж самого Лукашенко в российском обществе при этом взлетел до уровня героя. По этой же причине неудивительно, что российские СМИ теперь публикуют материалы со ссылками на анонимные источники, направленные на ослабление резко укрепившегося авторитета Лукашенко.

Разумеется, еще слишком рано делать далеко идущие выводы о причинах и последствиях мятежа. Однако, как минимум, два тезиса о посреднической роли Минска и ее значении для политики Запада представляются уместными уже сейчас.

> Во-первых, ситуация явно продемонстрировала, что Минск сохраняет значительную степень субъектности и может активно пользоваться ею для достижения собственных интересов, особенно когда эти интересы однозначны.

У Лукашенко были очевидные причины желать прекращения мятежа, поскольку длительная дестабилизация России означала бы чрезмерные риски для безопасности и экономики Беларуси. Например, серьезный кризис внутри России мог побудить воюющие за Украину подразделения, состоящие из белорусских граждан, начать реализацию давно заявленных планов по силовому свержению власти в Беларуси. В самих этих подразделениях Минск не видит серьезной угрозы, однако любые боевые столкновения на белорусско-украинской границе могут быстро перерасти в межгосударственную войну или даже конфликт с НАТО. Кроме того, дестабилизация России оказала бы моментальное негативное влияние на экономику Беларуси, которая сейчас как никогда сильно зависит от сотрудничества с Москвой.

Таким образом, как Лукашенко проактивно использовал свою субъектность, чтобы предотвратить неблагоприятное для себя развитие событий в этой ситуации, так же он воспользуется собственной субъектностью, когда у него будут достаточное поле для маневра и четкие реалистичные интересы в отношениях с Западом.

Во-вторых, благодаря своему многолетнему личному опыту взаимодействия с Кремлем и ключевыми фигурами в российском обществе и бизнес-кругах Лукашенко давно стал исключительно компетентным кремленологом. Вероятно, именно это в первую очередь и сделало возможной его посредническую миссию. После мятежа он вновь становится заметным актором в российской внутренней и внешней политике. Для самого Минска это несет как возможности, так и риски. А для Запада – создает возможности открыть новый канал коммуникации с целью снизить риски в отношениях с Россией.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»